

ОТЕЦ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ: ДВА ГОДА В ПРАГЕ

Козырев Алексей Павлович

Кандидат философских наук,
и. о. декана философского факультета,
доцент кафедры истории русской философии философского факультета.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Аннотация. В статье на основе дневников, писем и других документальных свидетельств рассматривается пражский период жизни протоиерея С. Н. Булгакова в эмиграции: с мая 1923 по июнь 1925 года, события, связанные с жизнью в Праге, — чтение лекций на Русском юридическом факультете, участие в съездах Русского студенческого христианского движения (РСХД) и в Братстве святой Софии, встречи с представителями католического духовенства и постепенное преодоление «католического соблазна», поездки по Европе с целью сбора средств для создаваемого в Париже Богословского института, полемика с евразийцами, первые столкновения с епископатом, вызванные учением Булгакова о Софии, дружба с Ю. Н. Рейтлингер и другие личные обстоятельства. Показывается, что пребывание в Праге было важным этапом для осмысления жизненного пути после изгнания из России и формирования творческого кредо на новом, богословском, этапе творчества.

Ключевые слова: дневники Булгакова, евразийство, учение о Софии, Русский юридический факультет, Братство святой Софии, Русское студенческое христианское движение, католичество, семья С. Н. Булгакова, Ю. Н. Рейтлингер

Ссылка для цитирования: Козырев А. П. Отец Сергей Булгаков: два года в Праге // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 30–47.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-30-47

Два с небольшим года, проведенные в Праге протоиреем Сергеем Николаевичем Булгаковым, выдающимся философом, богословом, экономистом и общественным деятелем, еще со времен первой русской революции 1905 года прочно занявшим место в общественно-политической и религиозной среде своего времени, только теперь могут получить достаточное освещение. Дело в том, что главные материалы, связанные с пребыванием Булгакова в Че-

хословакии, получили известность в последние пять лет. Прежде всего к ним нужно отнести три дневника, которые отец Сергей вел в Праге. Первый — это тетрадь, озаглавленная им «Из памяти сердца», начатая 24 мая 1923 года, менее двух недель спустя после переезда в Прагу, и оконченная 30 апреля 1924 года, то есть когда был отмерян первый год пражского жития (Козырев, Голубкова, 1998). Эту тетрадь мне посчастливилось обнаружить в архиве Свято-Сергиевского богословского института в Париже, в папке с материалами к богословским сочинениям отца Сергея в 1997 году, во время занятий в библиотеке института. Второй — «Дневник духовный», начатый 21 марта 1924 года в Праге, предназначенный для пастырских, медитативных и нравоучительных размышлений и практически лишенный конкретно-бытового фона (Булгаков, 2003). Этот дневник продолжался отцом Сергием и в Париже после его переезда туда в июле 1925 года. И, наконец, третий, самый поздний по времени публикации дневник — «Пражская записная книжка», хранившаяся у духовной дочери философа сестры Иоанны Рейтлингер и опубликованная в 2011 году Б. Поповой (Попова, сост., 2011). Этот дневник начинается записью конца апреля 1924 года и по сути продолжает окончившуюся «черную тетрадь» «Из памяти сердца» (в него вложена и более ранняя запись 1923 года о студенческой конференции в Штерберке из предыдущего дневника «Из памяти сердца»). Отец Сергей ведет этот дневник до своего расставания с Прагой и переезда в Париж, последняя запись сделана 19/26 июня 1925 года. К сожалению, не все листы этого дневника сохранились. То тут, то там мы встречаем публикаторскую пометку «вырвана страница», в некоторых местах карандаш отца Сергея обведен синими чернилами сестры Иоанны. Эти бесценные материалы должны быть дополнены рядом значительных публикаций, осуществленных М. А. Колеровым. Упомянем здесь материалы, освещающие историю Братства святой Софии, возобновленного в Праге при непосредственном участии и под руководством протоирея Сергея Булгакова (Колеров, 1997; 1994).

С. Н. Булгаков был выслан по постановлению ГПУ из России 30 декабря 1922 года вместе с семьей (женой Еленой Ивановной, дочерью Марией (Муной) и младшим сыном Сергеем; старший сын Федор был оставлен в Советской России как лицо призывного возраста, то есть фактически в заложниках). На итальянском пароходе «Jeanne» они переправляются в Константинополь, где проводят первые месяцы своего изгнания. Пребывание в Константинополе связано с травмой жены: она ломает себе ногу, которая неудачно срастется. О переезде в Прагу Булгаков извещает оставшегося в России А. С. Глинку-Волжского: «Я еду на Прагу, там буду читать лекции и служить. Пока адрес там: Tchechoslovaquie. Praha. Bubeneč. Navličkova. 36/IV, prof. G. Vernadsky, для меня. Здесь, думаю, найдется работы больше, чем хватит надорванных сил. Так что слава Богу» (Колеров, 2018: 334).

Покинув Константинополь 25 апреля того же года, через Софию и Вену Булгаковы отправляются в Прагу, куда прибывают не позже 12 мая. 12 мая П. Б. Струве писал жене: «Сейчас был у меня с Ю. Н. [Рейтлингер] Серг. Ник. Булгаков. Вид у него утомленный и он значительно постарел. Завтра буду у него в Свободарне». (Колеров, 2004: 603). Временно они поселяются в одном из пражских студенческих общежитий, где проживало около 4,5 тысячи студентов-славян, беженцев из России. 24 мая Булгаков запишет в дневнике: «Вот мы уже вторую неделю в долгожданной, “златоверхой” Праге. Сидим в каменной клетке “Свободарни” и вспоминаем как Царство Небесное матушку Россию и как сказку пленительный Стамбул. Трудно и неприветливо встречает Прага своих изгнанников, и трудную, мутную долю сулит будущее. И над всем царит какая-то придавленность и теснота, — безрадостность. И невольно спрашиваешь себя: неужели здесь судил Бог окончить многогрешные дни? Перед глазами лес труб, которые усиленно дымят, и как-то ничто не манится, несмотря на приветливость чехов» (Козырев, Голубкова, 1998: 112).

Наплыв эмигрантов из России был очень большой, поэтому и вопрос с жильем решался сложно. Вот как об этом вспоминает А. Б. Евреинов, сын историка и поэта Бориса Евреинова, видного деятеля антибольшевистского движения в Чехословакии, прибывшего в Прагу также весной 1923 года и работавшего, как и протоиерей Сергей Булгаков, в качестве доцента Русского юридического факультета Пражского университета:

«В начале двадцатых годов жилищный вопрос в Праге стоял очень остро. Превратившись из тихого провинциального города Австро-Венгерской империи в столицу вновь образовавшейся Чехословацкой республики, Прага привлекала массу народа, устремившегося в город, притягивавший открывшимися экономическими возможностями, в поисках работы. Вновь созданные министерства и прочие правительственные органы и частные организации и предприятия нуждались в большом количестве людей. Жилищное строительство не поспевало за бурным ростом населения столицы, квартир было мало, и они были дорогие. На первых порах эмигранты находили временный приют в Гранд Пансионе в Бубенче. Здание пансиона было одним из первых в новом Бубенче, и в начале двадцатых годов, еще были пустыри, где в скором времени развернулось большое строительство. Улицы не были проложены, и до стоявшего на расстоянии примерно километра профессорского дома нужно было идти по тропинке через незастроенное поле. Но комнаты в Гранд Пансионе были сравнительно дорогие, и приехавшим русским эмигрантам приходилось искать жилье за пределами Праги, в небольших окрестных поселках и местечках, где квартиры были дешевле, и можно было снять комнату от хозяев. Сообщение с городом было удобное, поезда ходили часто, и месячные проездные билеты были

дешевые. Наиболее популярными среди русских эмигрантов местечками близ Праги были Черношице, Вшеноры и Мокропсы, расположенные в живописной долине в нижнем течении реки Бороунки (приток Влтавы) по пильзенской железной дороге. Здесь поселились Чириковы, Харламовы, Изюмовы, Лапшин, Марина Цветаева, доктора Альтшелеры, отец и сын, на восток от Праги популярными местами были Уезд и Йирны-Клановице, к югу — Радошовице и Ржичаны, где до переезда в Прагу жили Окуневы и Васнецовы; в Збраславе вверх по течению Влтавы жили Бемы и Булгаковы (В. Ф. Булгаков — секретарь Толстого)... Жившие в названных поселках эмигранты организовывали кружки и клубы, проводили культурные мероприятия, устраивали доклады и лекции. Наиболее известными были збраславские «пятницы», приобретшие большую популярность среди русского населения Праги и окрестностей. Студенты получили возможность жить в городе в студенческом общежитии на Альбертове и в так называемой «Свободарне» в Либни (часть города), где одно время жили Н. О. Лосский с семьей, социолог П. С. Тимашев, философ и впоследствии священник С. Н. Булгаков» (Евреинов, 2005).

Свободарня была не единственным местопребыванием Булгаковых в Праге. Другой булгаковский адрес — упомянутые Евреиновым «гостеприимные и уютные» Вшеноры, где семья отца Сергия квартирует летом 1924 года (до 20 сентября / 3 октября). Мокропцы, Збраслав — тоже топонимы мест, где служил отец Сергей. Но именно с русским студенчеством будет связана основная педагогическая и пастырская деятельность отца Сергия в Праге, не только в качестве профессора церковного права и догматического богословия на Русском юридическом факультете Пражского университета, но и в качестве священника, окормляющего в том числе студентов. Уже 30 мая 1923 года отец С. Булгаков читает первую лекцию по церковному праву. Даты его священнической хиротонии будут связаны со студенческими общежитиями Праги: в Свободарне он отметит пятую годовщину своего священства, которую будет праздновать в Духов день, следующий за праздником Святой Троицы, шестую будет праздновать за богослужением в Ржичанах, в студенческом общежитии под Прагой, седьмую отметит в Збраславе, среди близких ему людей. Он стоит у истоков первого съезда русской студенческой христианской молодежи в Пшибраме, на котором будет образовано РСХД, регулярно публикует статьи в издаваемом в Праге по-русски журнале «Духовный мир студенчества». Одна из таких статей, опубликованная в 1925 году, будет называться «Аскетизм в условиях студенческой жизни»¹. Вот, например, одна из дневниковых записей (от 9 ноября 1923 года) о богослужении в студенческом общежитии Страшнице, оборудованном для русских студентов, в доме, специально закупленном чешским правительством для этих целей:

¹ Опубликована в журнале «Духовный мир студенчества». 1925. № 8.

«Вчера и сегодня я служил в студенческом общежитии Страшнице. Уже несколько месяцев дождался возможности прорваться в это тяжелое и трудное место, где наша молодежь скучена, как сельди в бочке, и духовно дичают. Господь благословил, и я чувствовал себя за богослужением вчера и сегодня в молитвенном восторге, потому что слышал сердцем, что я здесь был нужен. У меня даже вчера за всенощной сорвалось в проповеди смелое до дерзости, но как-то непроизвольно вырвавшееся слово: Христос в Страшнице! Однако мои восторги были омрачены, а частью и посрамлены дальнейшими рассказами о том, что на днях несколько десятков “зайцев” выселяются из Страшницы, которую они переполняют [Речь идет о студентах, не имеющих вида на жительство. — А. К.]» (Козырев, Голубкова, 1998: 151).

Богослужения отец Сергей ездит совершать в Брно и Пшибрам. Бедственное положение русского студенчества и духовная пустота и уныние в их среде (не они ли стали одной из причин русской катастрофы 1917 года?) переполняют его грустными мыслями и заставляют задуматься о том, «не происходит ли в эмиграции новое поражение добровольческой армии на духовном и решающем фронте, после того, как она уже однажды потерпела поражение» (Там же: 211). Спасение видится в создании «духовного скита», «высшей богословской школы». Мысль, лелеемая еще в Константинополе, но реализованная уже в Париже созданием в 1925 году Богословского института.

Первые летние месяцы в Чехии Булгаковы проводят в деревне под Прагой, затем поселяются в начале августа в самой Праге на улице Гавличкова, 36. 16–22 июля отец Сергей принимает участие в студенческой конференции в Штернберге под Прагой, организованной по инициативе студенческих христианских кружков в Чехословакии. В ней приняли участие около 70 студентов и профессоров, в их числе П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский и дочь Т. Масарика Алиса Масарик.

«Эта конференция симптоматически была необыкновенно знаменательна: христианская православная интеллигенция, это то, к чему я звал русскую интеллигенцию всю жизнь. Был крестный ход из дома на поле, где под крытым помещением была всенощная: шел я, а иконы несли П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, студенты. Вот прямо для Нестерова. И на самой конференции были дорогие и святые моменты: русская душа рождается и ширится и сознает себя и светится своею красотой», — замечает отец Сергей в своем дневнике (Там же: 136–137).

На этой конференции отец Сергей прочел доклад «Первоверховные Апостолы Христовы Петр и Иоанн», который выльется потом в значимую для Булгакова

брошюру (Булгаков, 1926). Еще в Крыму перед высылкой отец Сергей начинает переживать острое увлечение католичеством, вылившееся в его посмертно опубликованных диалогах «У стен Херсониса». Доклад о двух первоапостолах был первой критической ревизией своих католических симпатий. Отец Сергей стремился оспорить католическое учение об исключительном примате апостола Петра, на котором основано первосвященство римского епископа, и утверждал, что если и можно говорить о примате, то применительно к двум любимым ученикам Христа — апостолам Иоанну и Петру.

О причинах этого увлечения следовало бы говорить подробно, но отметим, что не последнюю роль тут играло наследие Владимира Соловьева, адептом и пропагандистом которого Булгаков был на протяжении всего его российского периода, после прощания с марксизмом и перехода к идеализму. Однако сомнение в правоте своих униональных стремлений Булгаков начинает ощущать уже в Константинополе. В Праге же этот драйв в обратную сторону усилится. Не последнюю роль тут сыграет и реальное соприкосновение с католиками. 5 сентября 1923 года он запишет в дневнике:

«Сегодня католический день: утром был о<тец> Глеб В<ерховский>, неожиданно появившийся, вечером р<ater> Отец. Целый день разговоры. Нельзя сказать, чтобы я обрадовался о. Глебу, п<отому> ч<то> приехал он сюда ведь для душехватства. Странное впечатление он производит. После полугода в Риме он в раже: ругает папу дураком, самоуверенным, ничего не понимающим, а «камарилью» — нет слов, и дураками, и бездарностью. Называет болотом, где полно лягушек и плавает кард<инальская> шляпа. А в то же время приехал сюда от вост<очной> конгрегации, уловлять... Я не могу понять, как не могу и верить этому ч<елове>ку» (Козырев, Голубкова, 1998: 149).

С первым он встречался еще в России, в пору написания «Света Невечернего», потом Верховский ходил к нему в Константинополе: «инстинктивно сжимаюсь перед ним, как перед змеей, чувствуется какая-то лживость, задняя мысль, лукавство, “иезуитизм” во всей его повадке» (Булгаков, 1998: 132), отмечал он еще в Константинопольском дневнике. Выпускник Академии художеств и один из основателей «Мира искусства», Верховский под влиянием идей Владимира Соловьева принял католичество восточного обряда, учился в католических институтах во Львове, затем в Бельгии, а потом был рукоположен в священника в Болгарии в 1915 году. Он сотрудничал с экзархом католиков восточного обряда в России отцом Леонидом Федоровым, служил среди русских униатов в Санкт-Петербурге, жил во Львове и Киеве. Женился, вопреки каноническим нормам, и стал отцом двоих детей, оставив затем жену и детей в Югославии.

В Прагу он попал из Константинополя в результате критики миссионерского подхода иезуитов, практиковавшегося Римской курией, два года был настоятелем русского католического прихода, а затем переехал в США для служения среди украинских греко-католиков (Голованов, 2015: 26). Его пражский портрет в книге диакона Василия фон Бурмана подтверждает булгаковские впечатления.

«О. Глеб был высокого роста, носил рясу с наперстным крестом, на голове — меловую скуфью; небольшая борода была подстрижена, как он говорил, *à la Innocent X*. Все в его внешности говорило о принадлежности к восточному обряду. Несомненно, о. Глеб был человеком весьма одаренным, прекрасным портретистом, иконописцем, легко и быстро писавшим стихи, прекрасно знавшим несколько языков, особенно латинский, на котором мог говорить совершенно свободно. Он был настроен мистически, был убежденным католиком “восточного благочестия”. К сожалению, “восточность” о. Глеба имела нехороший оттенок, доводивший его до ненависти к латинянам и всему латинскому. В этом отношении играл роль не только чуждый о. Глебу юридически-канонический порядок латинян, но и, если так выразиться, их порядок мышления. О. Глеб, несмотря на священнический сан, оставался внутренне свободным художником и всякое стеснение извне клеймил латинством... Будучи исключительно интересным собеседником, о. Глеб совершенно разочаровал бы того, кто стал бы искать у него глубоких духовных познаний и подлинного аскетизма. Сидеть часами в табачном дыму за пивом и беседовать несколько часов подряд на разные, даже религиозные темы, было еще слишком мало, чтобы показать на себе пример восточного благочестия и отрешенности от мира. Засиживаясь поздно по вечерам, о. Глеб с трудом вставал в положенный час, вынужден был торопиться и едва поспевал к литургии; случалось нередко, что он приходил с опозданием несмотря на такси, к которому он прибегал в таких случаях. Много народа перебивало на квартире, которую о. Глеб занимал в старом дворце, принадлежащем графам Коловрат... Когда кто-нибудь приходил неожиданно, о. Глеб имел обыкновение сметать одним движением руки все, что лежало в этот миг на столе, прямо в ящик, где был поистине неопиcуемый хаос, составленный из самых разнообразных предметов. Говоря о беспорядке в квартире о. Глеба, нужно учитывать и то, что он очень много курил и поэтому пепел в довершение к прочему, был у него разбросан повсюду...» (Василий ЧСВ, 1966: 741–742).

Другой посетитель Булгакова — тоже священник восточного обряда Жан Омез. Поступив в доминиканский орден и уже приняв первые монашеские обеты, молодой монах отправился на фронт Первой мировой, был тяжело ранен, попал в немецкий плен, где познакомился с русскими солдатами. Они пробудили в нем интерес к русской духовности и православному обряду. Он был рукополо-

жен во священника в 1922 году, учил русский язык в семинарии в Лилле. Потом его судьба сложилась достаточно пестро. Он был основателем доминиканского центра «Истина», в 1931 году посетил СССР, служил в Каире, Алжире, Берлине. Был комбатантом Второй мировой и дожил до 1968 года. Впечатления о нем Булгакова были более благоприятны: «Он кажется мне чист, благочестив, хотя и здесь недоверие остается: зачем ему понадобились русские и русский язык? Много и интересно рассказывает про чудеса Лурда, про почитание Богоматери во Франции и под» (Козырев, Голубкова, 1998: 151).

Духовная эволюция и постепенный отход от «католического соблазна» видны и в мучительных колебаниях Булгакова относительно судьбы его крымских диалогов «У стен Херсониса». 15 декабря он записал в дневнике:

«Я читаю “У стен Херсониса”, читаю с отвращением и мукой, по внешнему принуждению, но ничего, кроме соблазна, не жду. Господь смирил меня. Я выезжал год назад, везя это как триумф выстраданного, как проповедь, пред которою все должны склониться. И началась линияя, выцветшая мука. Я многое узнал и прозрел, во многом отказался и разочаровался, но спрашиваю себя: не испугался ли я, не струсил ли? <...> Помню, что ехал в Прагу с мыслью все повернуть на свой лад, а кончил приспособлением. Это меня мучает. А вместе мучает и то, что я не устоял, совершил измену православию в сердце своем, молился за папу, как главу церкви, вообще уже недостойн называться сыном... И вот теперь это чтение с подмалевками, измененное против замысла до неузнаваемости, снабженное совсем другим концом и выводом, что это такое за мерзость? А вместе с тем я чувствую здесь нечто нужное и дорогое, надо было это так выстрадать и почувствовать, как я тогда, чтобы это ожило и для других. И не хочу я обывательщины, хотя и благочестивой, в которую я погружаюсь, не хочу я пошлости...» (Там же: 209–210).

Сомневаясь, стоит ли вообще сохранять диалоги, которые он интеллектуально и духовно перерос, отец Сергей все-таки решает вынести на публичный суд русской аудитории первый диалог, озаглавленный «Чаадаевское». Если следовать датировке дневника, то чтение состоялось 17 декабря 1923 года в Русском юридическом институте, где Булгаков занимал кафедру церковного права. Эти чтения отмечены и в обзоре деятельности института в сборнике «Русские в Праге»: «На лекциях по гуманитарному отделу присутствовало в среднем от 80 до 50 слушателей, но некоторые лекции, особенно проф. А. А. Кизеветтера о русском театре и отца Сергея Булгакова “У стен Херсониса” (философские диалоги) собрали свыше 150 слушателей» (Постников, ред., 1928: 232–233). Исторический характер диалога, по своей тональности так соответствующий мрачно-тревожным строкам псалма «У рек Вавилонских...» и созвучный гневным филиппикам Ча-

адаева, обращенным к России и русской истории, не мог не привлечь широкую публику, однако реакция на чтения была далеко не однозначная. Вот как описывает свои непосредственные впечатления от чтений отец Сергей:

«4-го [17 декабря по н. ст. — А. К.] я читал публично диалоги “У стен Херсониса” с новоиспеченным концом. Публики собралось пропасть, большинство, конечно, недоумевало, а остальные не сочувствовали, более или менее активно. Я остался один, окруженный жданным недоумением, и — не вслушиваюсь, но доносятся враждебные голоса, как при расхождении после “Ревизора”. Здесь слишком дорожат покоем, самодовольством, ушли и не хотят трагедии, которой проникнуто мое *de profundis*» (Козырев, Голубкова, 1998: 213).

С преодолением католического «соблазна» к отцу Сергию возвращается тема Софии Премудрости Божией, вернее, возвращается живое и церковное ощущение той реальности, которую соловьевская ветвь русской мысли именовала Софией. Можно с уверенностью утверждать, что мощный всплеск софиологических интуиций не в последнюю очередь вызван посещением константинопольской Айя-Софии, тогда, как, впрочем, и теперь обращенной в мечеть. В Константинополе он запишет в дневнике:

«Вчера я имел счастье посетить Св. Софию, Бог явил мне эту милость — не умереть, не увидев Св. Софии, и благодарю Бога моего. Я испытал такое неземное блаженство, в котором потонули как незначачие все мои скорби и туги, прошлые и будущие. Душе открылось нечто абсолютное, непререкаемое и очевидное... Это, действительно, София, актуальное единство мира в логосе, связь всего со всем, мир божественных идей, *κόσμος νοητός* [умный космос, греч. — А. К.]» (Булгаков, 1998: 124–125).

В Праге софиологическая тема, которой отмечены лучшие дореволюционные книги философа «Философия хозяйства» и «Свет Невечерний», вновь станет центром богословско-философской рефлексии. В Русском юридическом институте отец Сергей начинает вести семинар со студентами, «элементарно-педагогический, “уроки закона Божия”», как сам он определил проблематику семинара в дневнике. 3 ноября 1923 года он запишет: «Читаю лекции — о Софии. Не чувствую людей, как будто слова мои возвращаются ко мне назад. А они — вернее не они, а Она — должны жечь сердца. Отчего?» (Козырев, Голубкова, 1998: 193). И вскоре после этого, 12 ноября, поразительное по своей силе и резкости признание:

«У меня сейчас — вполне неожиданно, но властно и закономерно — в душе стоит как антитеза: София или папство, горизонталь или вертикаль? Для меня ясно, что церковь — София не склонится под папу, а потерявшая это чувство становится папской неизбежно, или же протестантски-идеалистической. Теперь для меня становится понятно, почему я ранее — с удивлением — за последние годы потерял конкретное чувство Софии и стал сам считать ее за то, за что почитают большинство представителей семинарского (т. е. в сущности плохого католического) богословия в православии, — за философский вымысел и ненужность. И на почве этого софийного нечувствия и внутреннего испуга перед большевизмом явился папизм» (Там же: 197–198).

В Праге создается или, вернее, воссоздается образованное в 1918 году в России по инициативе А. В. Карташева православное Братство святой Софии. Председателем вновь созданного братства стал отец С. Булгаков. Решение об этом было принято в Праге на квартире у отца Сергия 28 сентября 1923 года:

«Вчера у нас было маленькое по числу (П. И. Новгородцев, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский и я) совещание, но очень важное по значению: порешили немедленно приступить к образованию православного братства во имя Пресвятой Богородицы, — из церковной интеллигенции, это “орден”, к которому уже давно влечется мысль разных и с разных сторон. Если благословит Господь, это может иметь очень большое значение для Церкви. Как милостив Господь, я так излечился от своего заболевания католичеством, что могу с чистой совестью и спокойно стать во главе (ибо так естественно намечается мое положение как духовного лица) православного братства» (Там же: 156–157).

Имя святой Софии появилось в названии братства по инициативе А. В. Карташева, Булгаков же предлагал назвать братство Успенским во имя главной московской святыни — Успенского собора Московского Кремля. Учредительное собрание Братства состоялось сразу после Первой русской студенческой христианской конференции в Пшерове, на которой было создано Русское студенческое христианское движение за рубежом 8 октября 1923 года. Заметим, что на самой конференции, организованной по инициативе лидеров протестантского студенческого движения дореволюционной России, А. В. Карташев читал доклад «О новых организационных формах православной жизни», а отец С. Булгаков — «О путях и формах христианской активности», то есть, по сути, это было публичным обоснованием необходимости создания братства. Братство святой Софии просуществовало до начала 1930-х годов, однако нельзя сказать, что отцу Сергию удалось консолидировать вокруг него всю православную обществен-

ность эмиграции. Евразийцы не сочли возможным войти в братство, увидев в нем не свойственный православной церковности институт, сходный с католическим орденом. Г. В. Флоровский, состоявший в числе основателей братства и относившийся в то время к евразийской группе, фактически устранился от него. Н. А. Бердяев вышел из братства в силу его разногласий с П. Б. Струве. П. И. Новгородцев скончался вскоре после его основания. Прав исследователь творчества Булгакова М. А. Колеров, рассматривающий противостояние сторонников и противников братства как оппозицию веховцев, олицетворяющих интеллигенцию, обратившуюся к христианству и пытающуюся построить общественность на принципах христианского социализма, и интеллигентов нового, послереволюционного «призыва», видящих в православии скрепу духовно-культурного традиционализма, определенную форму идеологии, выражающейся в «бытовом исповедничестве». Вот как сформулировал эту оппозицию в эпистолярной полемике с отцом Сергием А. В. Ставровский (письмо от 4 сентября 1924 года):

«У “софийцев” <...> наличествует стремление к твердости духовной установки, зрению в заочных областях, благодатному проникновению в область Божественной мудрости; у евразийцев — жажда ограждения, защиты, жертвенного подвига, проникновения Православием вселенной и в первую очередь России, поставления в правильный иерархический ряд ценностей имматериальных и матерьяльных, и то же проникновение в недра Православного бытия» (Колеров, 1994: 160).

Стоит заметить, что этот вежливый обмен мнениями между двумя людьми из разных лагерей перерастет в Париже в открытую вражду между начальником Фотиевского братства А. В. Ставровским и профессором священником С. Булгаковым. Именно Ставровский напишет «записку» митрополиту Сергию (Страгородскому), заместителю Местоблюстителя Патриаршего престола Русской православной церкви, в которой уличит первую книгу «большой трилогии» Булгакова «Агнец Божий» (1933) в неправославии и гностической ереси. Позиция отца Сергия останется неизменной со времен Праги. Отвечая Ставровскому, он выразит ее так: «Мне чужда духовная элементаризация и оскудение того духа свободы, без которого Православие неизбежно переходит в православизм...» (Там же: 161). Этому принципу веховец Булгаков остался верен до конца жизни.

Пражские два года были временем нового знакомства с Европой (прежнее относилось к юношескому ученичеству). Отец Сергий неоднократно выезжает за пределы Чехословакии. Он читает лекции в Берлине, а по пути останавливается в Дрездене и созерцает «Сикстинскую Мадонну» в галерее Zwinger. Краткая

дневниковая запись разрастается в очерк «Две встречи»², может быть, один из самых личных и биографически значимых текстов отца Сергия. Конец апреля 1924 года — снова поездка: Сремски Карловцы — Белград, а оттуда на корабле по Дунаю в Будапешт и Вену. Булгаков вежливо отказывается от протокольного визита к обитающему в Карловцах барону П. Н. Врангелю, сетует на религиозное запустение у сербов, надеется на приезд старшего сына и ждет новых религиозных откровений. В Вене он запишет в дневник 2/15 мая 1924 года:

«Здесь я был с год тому назад, в растерзанном и растерянном виде, раздираемый католицизмом внутри. И как изменился за год: я постиг и преодолел и пережил изнутри это искушение. Как никогда раньше, я творчески люблю и постигаю православие, и, каюсь в грехе, я вместе с тем постигаю творческое значение этого испытания и благодарю за него Господа моего» (Попова, сост., 2011: 99).

Однако антиномия «София или Папа» тоже властно встает в душе Булгакова именно в пражский период. Для того чтобы Папа отошел и снова уступил место Софии в булгаковском творчестве. В зарубежной церкви зреют и первые «гроздь гнева» относительно софиологического учения Булгакова — митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Феофан (Быстров) станут его первыми церковными обличителями. Булгаков намекает в дневнике на «епископские дразги... из-за моих ересей» (Там же: 102) именно после поездки в Белград и Сербию, где находится Высшее церковное управление. Именно там и в этот пражский период в белградском «Новом времени» выйдет первая антисофиологическая публикация митрополита Антония — фельетон «Когда это кончится?»³. Это беспокоит отца Сергия: упреки в церковном вольномыслии и недовольство епископов могут стать препятствием к его приглашению в духовную школу, создать которую подвизается С. С. Безобразов по поручению митрополита Евлогия. Однако митрополит Евлогий (Георгиевский), в юрисдикции которого находится отец Сергий, благоволит к нему, и приобретение немецкой кирхи в 19 районе Парижа, будущего Сергиевского подворья, по сути, предопределяет и место школы, и переезд Булгакова в Париж. В конце июля он впервые после изгнания из России посещает Париж и проводит там неделю. Туда уже перебрался А. В. Карташев и некоторые другие члены Братства святой Софии, поэтому заседание братства проходит в Париже. Навещает преподающего в Сорбонне В. И. Вернадского, с которым общался во время своего преподавания в Крыму: в конце 1920 года Вернадский был ректором Таврического университета. Описание посещения собора Нотр-Дам очень напоминает «Две встречи»: 25 лет назад «несчастный

² Опубликована в журнале «Русская мысль». 1923. № 9/10.

³ «Новое время». № 1005. 1924. 4 сентября.

марксист, отупевший и обыдиотивший... ради этого чуда из камня забыл свой родной Сергиевский храм в Ливнах и все родные храмы, которые прекраснее, роднее, ближе к Богу, чем этот, из католических храмов все-таки самый прекрасный и молитвенный» (Там же: 109). «В христианском храме самое сильное — демоны» (Там же), — констатирует он, поднявшись к химерам. С 8 по 14 сентября 1924 года отец Сергей участвует во II съезде РСХД, который, как и год назад, проходит в Пшерове, служит, молится о спасении России по своему чину, читает доклад «Пути совершенствования», однако не испытывает уже того духовного подъема, который сопровождал первый съезд, ссылаясь на состав участников. Возможно, речь идет как раз о тех епископах, которые в штыки восприняли возвращение софийной темы в булгаковских докладах. В декабре (с 10 числа по конец месяца) снова поездка в Париж по делам будущей Богословской академии, так первоначально планировалось назвать Богословский институт. Переезд в Париж уже становится надвигающейся реальностью, и Булгаков страшится его, не хочет покидать обжитую уже Прагу. Из Парижа для чтения лекций в пользу создающейся Богословской академии и наведения мостов с англиканами, которые потом сыграют столь важную роль в становлении парижского института, он едет в Лондон, где жил марксистом 25 лет назад и который теперь станет для него городом христианского диалога и экуменизма. Он посещает Кентерберийское аббатство, наносит визит Кентерберийскому епископу, читает лекции для англикан и для русских.

В Праге Булгаков пишет статью «Ипостась и Ипостасность (Scholia к Свету Невечернему)» (Булгаков, 1925), которая намечает переход от навеянной Соловьевым и гнозисом софиологии российского периода к новому софиологическому синтезу, который Булгаков осуществит в Париже в «большой» трилогии «О Богочеловечестве» (1933–1946). Эта статья стала камнем преткновения для ревнителей строго догматического православия, в частности, на некоторые ее положения остро отреагировал один из редакторов сборника евразиец П. Н. Савицкий, обративший внимание в личном письме Булгакову на то, что в именовании Софии «Вечной женственностью» и в сходном с этим круге определений «не совсем, или вовсе не преодолены эротические соблазны, присущие человеческому» (Колеров, 1994: 163). В канун 1925 года Булгаков запишет в дневнике: «Кончается год... Кончаю его в смятении и растерянности. Внешний повод — неудачная статья и столкновение на почве ее с Савицким, которого я не могу не признать известной правоты...» (Попова, сост., 2011: 125). Расхождение с Г. В. Флоровским, защитившем в Русском университете в Праге диссертацию об «Исторической философии А. И. Герцена» (1923), тоже намечается в Праге, и тоже на евразийской почве. «Внутренний панмонголизм» евразийцев отталкивает его, и он мыслит свое противостояние с ними как «роковую рознь», основанную на поколен-

ческой изолированности, которую он не приемлет, чувствуя себя «не связанным поколением».

В конце января и в марте 1925 года отец Сергей посещает Пильзен, служит среди русских инженеров, работающих на чешских заводах. В Великий пост он вступает с мыслью о возможных церковных гонениях, которые его ожидают. В начале апреля — снова краткая поездка в Париж и первое богослужение на Сергиевском подворье, среди «своих» снова подвергается острым нападкам за софиологическую статью — со стороны «братчиков», в частности Н. С. Арсеньева и Г. Н. Трубецкого. Предстоящий переезд в Париж мыслится им как предоставление собственной судьбы в распоряжение преподобному Сергию, своему небесному покровителю. Богослужения Великого поста, Страстной седмицы и Пасхи 1925 года Булгаков проводит в Свободарне, потом отправляется отдохнуть во Вшеноры. Здесь он встречает известие о кончине патриарха Тихона. «Заграничной церкви предстоит, очевидно, изоляция, вообще целое Русской церкви распалось уже, или скоро распадется» (Там же: 133), — запишет он в дневнике.

Вспоминая этот событийный ряд пражского двухлетия, долженствующего лечь в канву летописи жизни, которая когда-нибудь будет написана, надо сказать, что на него накладывается и сложная палитра внутренних переживаний. Булгаков вспоминает об отце Павле, предчувствуя вечную разлуку и с грустью провожая уходящую в даль времен дружбу, и оценивает себя и своего дальнего друга как «священника-интеллигента». Он переживает и растущую симпатию к духовной дочери Юле Рейтлингер, которая, начиная с Праги, поселяется в семье Булгаковых и помогает его супруге, и в то же время начинает совершать первые серьезные шаги на пути иконописания. Именно она становится отныне тем Другом с большой буквы, которым до эмиграции он считал отца Павла Флоренского. Переживания касаются семьи — оставшейся в Крыму «бабушки» Варвары Ивановны Токмаковой Токмаковой⁴, мамы жены Булгакова Елены Ивановны, которая болеет и в конце концов лишится своего дома в Олеизе под Ялтой (дом был передан санаторию, а теперь и вовсе ушел в частные руки, судьба токмаковского владения, с которым связана жизнь стольких ярких представителей рус-

⁴ Ее правнучка Майя Водовозова вспоминает: «В 1929 году Варвару Ивановну “раскулачили”, выбросили из собственного дома и посадили в Симферопольскую тюрьму. Невероятными хлопотами детей, через Москву и Совнарком, ее удалось оттуда выволить. Последние шесть лет она уютилась в московской квартире дочери, не имея даже собственной комнаты. Я помню этот отгороженный шкафами уголок, где помещалась узенькая железная койка, крохотная тумбочка со створчатой иконой. На тумбочке всегда стояла чашка с чаем. Бабусичка — так звали ее внуки и правнуки — знала толк в чае, никогда не клала сахар и ни в коем случае — лимон. Она была маленького роста, худенькая с прелестными чертами лица, лучистыми глазами и коротко стриженными седыми волосами. Голову непременно украшала черная кружевная чеплашечка какого-то необыкновенно замысловатого фасона. Говорила тихим голосом с легким сибирским выговором. Вообще отличалась особой добротой и вниманием к людям, хотя в ту пору сама нуждалась в заботе, а ведь когда-то была очень энергичной и деятельной, любила окружать себя слабыми и больными. Умерла 29 сентября 1936 года. Похоронили ее на Введенских горах (в Лефортово)» (Водовозова, 2019: 317–318).

ской культуры, дома, где играл Рахманинов, теперь тонет в полной неопределенности), сына Федора, удержанного большевиками в России, которого он больше никогда не увидит, дочери Муны (Марии), у которой неудачно складываются отношения в Константином Родзевичем (брак с ним, заключенный в Париже, будет недолгим), младшего сына Сережи, который, как ему кажется, слишком вял и отстает в развитии.

«Сюда ехал с горячечными мечтами о соединении с католиками, от которых здесь исцелился, но на этой именно почве встретился с самолюбиями, закоренелыми предрассудками и реакционностью здешнего общества, которое раз навсегда меня заподозрило и осталось ко мне сдержанно, недоверчиво. С этим я уезжаю» (Там же: 134–135), — запишет он в «Пражской записной книжке» 14/27 июня 1925 года.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах деятельности отца Сергия Булгакова в Праге, городе, который для многих русских эмигрантов стал отправной точкой их бытия «по ту сторону» России. Именно отсюда, из центра Европы расходились пути, которые в июле 1925 года привели отца Сергия на Сергиевскую горку в Париже, где прошли последние 19 лет его жизни. Именно Прага позволила ему собрать интеллектуальные и духовные силы, превозмочь потерю Родины и перейти к новому плодотворному творческому периоду.

Литература

- Антоний (Храповицкий), 1924 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Когда это кончится? // Новое время. 1924. № 1005. 4 сентября. Белград.
- Булгаков, 2003 — *Булгаков С., прот.* Дневник духовный. М.: Общедоступный православный университет, основанный прот. Александром Менем, 2003.
- Булгаков, 1925 — *Булгаков С., прот.* Ипостась и ипостасность // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890–1925. Прага: Пламя, 1925. С. 353–372.
- Булгаков, 1998 — *Булгаков С. Н.* Константинопольский дневник // *Булгаков С. Н.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: Изд-во Орл. гос. телерадиовещат. ко., 1998. С. 113–172.
- Булгаков, 1926 — *Булгаков С., прот.* Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола. Paris: YMCA-Press, 1926.
- Василий ЧСВ, 1966 — *Василий ЧСВ [фон Бурман], диакон.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим, 1966.
- Водовозова, 2019 — *Водовозова М.* Благословенный Олеиз // *Галиченко А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 310–328.
- Голованов, 2015 — *Голованов С. В.* Русское католическое дело. Римско-католическая церковь и русская эмиграция в 1917–1991 годы. Омск: Амфора, 2015.

- Евреинов, 2005 — *Евреинов А. Б.* Между двумя эмиграциями. Торонто; СПб.: Сударыня, 2005.
- Козырев, 2019 — *Козырев А. П.* Сергей Булгаков и Ю. Н. Рейтлингер: к истории духовного романа // *Философские эманации любви* / сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: ЯСК, 2019. С. 148–170.
- Козырев, Голубкова, 1998 — *Козырев А., Голубкова Н.* Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924] (Из архива Свято-Сергиевского богословского института в Париже) // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год* / под ред. М. А. Колерова. М.: О.Г.И., 1998. С. 105–256.
- Колеров, 2018 — *Колеров М. А.* Археология русского политического идеализма: 1900–1927. Очерки и документы. М.: Common place, 2018.
- Колеров, 1994 — *Колеров М. А.* Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // *Вопр. философии*. 1994. № 10. С. 143–166.
- Колеров, 1997 — *Колеров М. А.* Братство святой Софии: документы (1918–1927) // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 г.* СПб.: Алетейя, 1997. С. 99–133.
- Колеров, 2004 — *Колеров М. А.* С. Н. Булгаков в 1923 году: из Константинополя в Прагу // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год* [6] / под ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2004. С. 598–604.
- Попова, сост., 2011 — *Булгаков Сергей, отец.* Пражская записная книжка. 1924–1925 гг. // *Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова: дневники, записные книжки, письма* / сост., подгот. текста, предисл., коммент., примеч. Брониславы Поповой. М.: Никея, 2011. С. 95–135.
- Постников, ред., 1928 — *Русские в Праге 1918–1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики)* / ред.-изд. С. П. Постников. Прага, 1928.

FATHER SERGIY BULGAKOV: TWO YEARS IN PRAGUE*Alexey P. Kozyrev*

Acting Dean of the Faculty of Philosophy,
Associate Professor at the Department of History of Russian Philosophy,
Faculty of Philosophy.
Lomonosov Moscow State University.
1 Lenin Hills, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Abstract. Based on diaries, letters and other documentary evidence, the article examines the Prague period in the life of Fr. S. N. Bulgakov in exile: from May 1923 to June 1925, events related to life in Prague — lecturing at the Russian Faculty of Law, participation in the congresses of the Russian Student Christian Movement (RSHD) and the Brotherhood of St. Sophia, meetings with representatives of Catholic clergy and the gradual overcoming of the “Catholic temptation”, travels to Europe to raise funds for the Theological Institute being created in Paris, polemics with the Eurasians, the first clashes with the episcopate caused by Bulgakov’s teaching about Sofia, friendship with Yu. N. Reitlinger and other personal circumstances. It is shown that staying in Prague was an important stage in comprehending the life path after expulsion from Russia and the formation of a creative credo at a new, theological stage of creativity.

Keywords: Bulgakov’s diaries, Eurasianism, the doctrine of Sophia, Russian Faculty of Law, Brotherhood of St. Sofia, Russian student Christian movement, Catholicism, family of S. N. Bulgakov, Yu. N. Reitlinger

For citation: Kozyrev, A. P., 2020. Father Sergiy Bulgakov: Two Years in Prague. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 30–47.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-30-47

References

- Antonii (Khrapovitskii), mitr., 1924. Kogda eto konchitsya? [When will it end?]. *Novoe vremya*, 1005, 4 September, Belgrad.
- Bulgakov, S., prot., 2003. *Dnevnik dukhovnyi* [Diary of spirituality]. Moscow: Obshchedostupnyi pravoslavnyi universitet, osnovannyi prot. Aleksandrom Menem.
- Bulgakov, S., prot., 1925. Ipostas’ i ipostasnost’ [Hypostasis and hypostatic]. In: *Sbornik statei, posvyashchennykh Petru Berngardovichu Struve ko dnyu tridtsatipyatiletiya ego nauchno-publitsisticheskoi deyatel’nosti. 1890–1925* [Collection of articles dedicated to Pyotr Berngardovich Struve on the day of the thirty-fifth anniversary of his scientific and journalistic activity. 1890–1925]. Praga: Plama. 353–372.

- Bulgakov, S. N., 1998. Konstantinopol'skii dnevnik [Constantinople diary]. In: Bulgakov, S. N. *Avtobiograficheskie zametki. Dnevnik. Stat'i* [Autobiographical notes. Diaries. Articles]. Orel: Orl. gos. teleradioveshchat. ko. Publ. 113–172.
- Bulgakov, S., prot., 1926. *Svyatye Petr i Ioann. Dva pervoapostola* [Saints Peter and John. Two Chief Apostles]. Paris: YMCA-Press.
- Evreinov, A. B., 2005. *Mezhdv dvumya emigratsiyami* [Between two emigrations]. Toronto; St. Petersburg: Sudarynya.
- Golovanov, S. V., 2015. *Russkoe katolicheskoe delo. Rimsko-katolicheskaya tserkov' i russkaya emigratsiya v 1917–1991 gody* [Russian Catholic matter. The Roman Catholic Church and Russian emigration in 1917–1991]. Omsk: Amfora.
- Kolerov, M. A., 2018. *Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1900–1927. Ocherki i dokumenty* [Archeology of Russian Political Idealism: 1900–1927. Essays and documents]. Moscow: Common place.
- Kolerov, M. A., 1994. Bratstvo sv. Sofii: “vekhovtsy” i evraziitsy (1921–1925) [Brotherhood of St. Sofia: “Vekhinianists” and Eurasianists (1921–1925)]. *Voprosy filosofii*, 10, 143–166.
- Kolerov, M. A., 1997. Bratstvo svyatoi Sofii: dokumenty (1918–1927) [The Brotherhood of St. Sophia: Documents (1918–1927)]. In: *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 1997 g.* [Researches on the History of Russian Thought: Yearbook for 1997]. St. Petersburg: Aleteiya. 99–133.
- Kolerov, M. A., 2004. S. N. Bulgakov v 1923 godu: iz Konstantinopolya v Pragu [S. N. Bulgakov in 1923: from Constantinople to Prague]. In: *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 2003 god [6]* [Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 2003 [6]], ed. by M. A. Kolerov. Moscow: Modest Kolerov. 598–604.
- Kozyrev, A. P., 2019. Sergii Bulgakov i Yu. N. Reitlinger: k istorii dukhovnogo romana [Sergiy Bulgakov and Yu. N. Reitlinger: on the history of the spiritual novel]. In: *Filosofskie emanatsii lyubvi* [Philosophical emanations of love], comp., ed. by Yu. V. Sineokaya. Moscow: YaSK. 148–170.
- Kozyrev, A. and Golubkova, N., 1998. Prot. S. Bulgakov. Iz pamyati serdtsa. Praga [1923–1924] (Iz arkhiva Svyato-Sergievskogo bogoslovskogo instituta v Parizhe) [Prot. S. Bulgakov. From the memory of the heart. Prague [1923–1924] (From the archive of the St. Sergius Theological Institute in Paris)]. In: *Issledovaniya po istorii russkoi mysli: Ezhegodnik za 1998 god* [Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 1998], ed. by M. A. Kolerov. Moscow: O.G.I. 105–256.
- Bulgakov, S., otets, 2011. Prazhskaya zapisnaya knizhka. 1924–1925 gg. [Prague notebook. 1924–1925]. In: *Yu. N. Reitlinger (sestra Ioanna) i o. Sergii Bulgakov. Dialog khudozhnika i bogoslova: dnevnik, zapisnye knizhki, pis'ma* [Yu. N. Reitlinger (sister Johnna) and Fr. Sergiy Bulgakov. Dialogue between artist and theologian: diaries, notebooks, letters], comp. by Bronislava Popova. Moscow: Nikeya. 95–135.
- Postnikov, S. P., ed., 1928. *Russkie v Prage 1918–1928 gg. (K desyatiletiiu Chekhoslovatskoi respubliki)* [Russians in Prague 1918–1928 (To the tenth anniversary of the Czechoslovak Republic)]. Praga. Vasilii, ChSV [fon Burman], daikon, 1966. *Leonid Fedorov. Zhizn' i deyatel'nost'* [Leonid Fedorov. Life and work]. Rome.
- Vodovozova, M., 2019. Blagoslovennyi Oleiz [Oleiz the Blessed]. In: Galichenko A. *Starinnye usad'by Kryma* [Ancient estates of Crimea]. Simferopol': Biznes-Inform. 310–328.